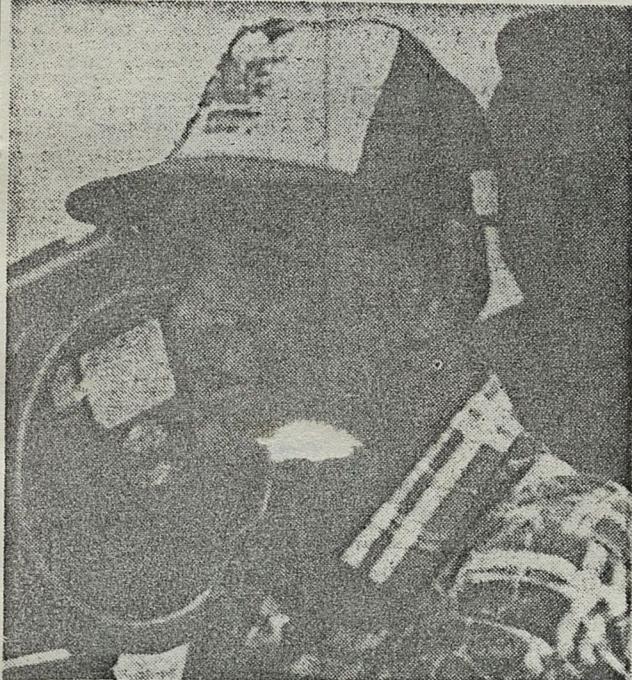

Владимир
МОТЫЛЬ:

Я ВСЕГДА ВЕРИЛ В ГОСПОЖУ УДАЧУ

Существуют почетные звания народный артист, народный художник, и если бы подобные звания присуждались фильмам, то картина В. Мотыля «Белое солнце пустыни» заслуженно именовалась бы народным фильмом. Всенародно любимой, цитируемой повсюду ленте исполнится 25 лет.

«Звезда пленительного счастья», «Женя, Женечка и «катюша» — эти фильмы хорошо знакомы зрителям. Последняя работа режиссера «Расстанемся, пока хорошие» недавно дважды демонстрировалась по ТВ. Снятая по идеям Ф. Искандера, это история о гордом абхазце и его ссоре с соотечественниками, которые пытаются его унизить. Но не тут-то было. Пришло им звать на поход казаков и даже российскую армию.

Кавказ и Россия — тема актуальная сегодня, как никогда, привлекла режиссера аж семь лет назад. Предчувствие? Предвидение? Совпадение?

— Скорее, тревога, — отвечает В. Мотыль, — не надо быть историком, чтобы знать, что национализм оборачивается кровью. Я давно полюбил Абхазию и ее народ, там у меня друзья, и событие пятнадцатилетней давности было уже опасным симптомом. Тогда из Тбилиси пришла команда об обязательном для всех грузинском языке, и маленький гордый народ воспринял это болезненно. Были волнения и даже кровь. Но не только это определило выбор.

Тема предательства в небольшом рассказе Искандера стала для меня центральной, потому что такие понятия, как верность, благородство, самоотверженность, с каждым годом выветривались. Их затмевали цинизм, обман, лицемерие.

— Почему же фильм популярного жанра при столь актуальной тематике не попал в прокат?

— Общая беда. Рынок проката поделили несколько компаний, которые, пользуясь бессилием властей, отсутствием сдерживающих законов, приушили демонстрацию отечественных фильмов, несущих обществу духовное, нравственное начало. «Без труда ловить рыбку из пру-

та» и «Деньги не пахнут» — вот девизы большинства нуворишей.

«Расстанемся, пока хорошие» не повезло чудовищно. «Пирамида», на деньги которой снята картина, оказалась в числе наиболее активных узурпаторов российского проката в пользу американского стандарта. Из прессы я узнал не так давно, что «Пирамиде» принадлежит одно из почетных мест в наполнении экрана зарубежной дешевой. На мое несчастье, именно президент «Пирамиды» С. Сендык вызвался быть продюсером моей картины. Его фирма стала для фильма гробницей. По собственному признанию Сендыка, с отечественным кино он решил завязать давно. Зачем возиться с национальным кинематографом, решать проблемы производства, тиражирования, рекламы? Невыход фильма к зрителям, упущенная прибыль волновали только нас, создателей картины.

— Если сегодня так тяжко, не сожалеете ли вы о падении прежнего режима?

— Я не считаю, что тоталитарный режим пал. Он приобрел иные формы. Чтобы восторжествовала подлинная демократия и не новая цивилизация, государство должно стать правовым и законами регулировать жизнь общества, защищать культуру от мракобесия, от любителей процветать за счет грабежа. Я имею в виду не только грабеж материальный, но и духовный. При новейшей ситуации в области культуры чванство коммунистическое сменилось чванством коммерческим. И слово менять не надо: то же «комчванство».

— Тем не менее все ваши фильмы сняты при советской власти. Судя по ним, вы не уходили в политической конъюнктуре. Но и на «полку» ваши фильмы не укладывали. Как удавалось вам проплыть между Спиллой и Харибой, меж цензурой и законами искусства?

— Ну «Лес»-то все-таки на «полку» засунули. А чтобы проплыть... Во-первых, избегал современной темы: не-пременным условием «правдивого» отражения жизни было тогда ее искажение. Во-вторых, все фильмы снимал вдали от начальства, вне

москвы. Я ведь никогда не состоял в штате какой-либо студии с ее парткомом, профкомом и приманками (квартира, зарплата, звания). Уезжал в Ленинград, в Киев. Первый фильм снял в Средней Азии. Даже «Белое солнце пустыни», помеченный маркой «Мосфильма», снят не в Москве, а на производственной базе «Ленфильма», в горячих песках Туркмении, куда начальство калачом не заманишь. Все касательство «Мосфильма» к этой картине было лишь в попытках картины приложить или меня заменить на своего, послушного штатного. Зато потом много лет они бойко торговали и торгуют «Белым солнцем» во всем мире, не платя ее создателям ни цента по сей день. А в третьих, и это самое главное, пожалуй, в самых тяжких ситуациях меня неизменно вывозил счастливый случай.

— Но вы же не касались политики. Чем страшили режиссеры приключения Сухова или комедия «Женя, Женечка и «катюша», или исторические события «Звезды пленительного счастья»?

— Знаете, мой коллега Герман как-то спросил о том же: «В чем дело, Володя, ты не снимаешь современность, почему у тебя такие сложности?» Я ответил вопросом на вопрос: «А за что они преследуют религию?» Проповедь любви к ближнему, общечеловеческие ценности для коммунистов — что красная тряпка для быка. Они легче прощают политическую фронду, скажем, фильм Кончаловского или Климова, чем «абстрактный» гуманизм Тарковского. Помните, как маршал Язов с трибуны заявил, что не знает, что такое общечеловеческие ценности? Людьми, которые, по словам Гитлера, свободны от химеры совести, управлять куда как проще. Представьте, «Белое солнце» показывалось уже в ста двадцати странах, обогащало казну и кормило вождей Госкино, разъезжавших по всему свету вместе с холуями из Союза кинематографистов (разумеется, без меня), а главный блюститель порядков в кино — министр Ермаш в 1974 году на Карловарском фестивале предостерег Смолиновского: «Ты у него снимаешься, а этот режиссер (речь обо мне) делает всегда не то, что нам надо».

Из четырех-пяти моих предложений-заявок проскачивала «дуриком» лишь одна и часто не самая лучшая. Просто длились от двух до четырех лет. И все-таки семь фильмов были сняты не благодаря закономерностям системы (только «Лес» на «полку» «благодаря»), а вопреки и с помощью самых невероятных, фантастических случаев и стечения обстоятельств.

— Вы заканчиваете съемки нового фильма по мотивам произведений Чехова. Кажется, главным первоисточником вашего сценария послужила «Дуэль». Но ведь этот сюжет уже экранизирован И. Хейфицем — «Плохой хороший человек» с замечательными актерами О. Дадем, В. Высоцким, А. Папановым, Л. Макаковой.

— Мою нынешнюю работу неправомерно причислить к экранизациям, поскольку я опирался на идеи и коллизии целого ряда произведений

терпимость — в этом для меня сущность фильма.

— Вы верующий?

— Да. Но не церковник. Верующий в толстовском понимании веры как пути к самопознанию и нравственному самосовершенствованию. Если упал, а какая-то сила спасет себя — значит Бог в тебе не развернулся. Жан Ануй великолепно выразил это — Бог всегда — это наиболее тяжкие преступления тем, кто стремится взойти на вершину, до тех пор, пока верит, что человек способен преодолеть. У американцев в ходе такая формула: «Трудно — это то, что можно сделать сейчас, а невозможно — это то, на что потребуется немного больше времени».

— Во времена Чехова дуэли были уже под запретом. Что говорить о нашем времени, когда привычнее выстрел в спину из-за углов или бомба в автомобиле...

— В фильме сцена дуэли задумана как экстравагантная выхodka одного из героев, убежденного в необходимости возродить канувшие в Лету дуэли в качестве очистительного явления. Симптоматично, что недавно на телевидении Дмитрий Захаров посвятил передачу истории дуэлей, обратив внимание именно на нравственную сторону, когда в прошлом честь оберегалась дуэлью. Николай возненавидел бывшего друга Ивана настолько, что другого способа «исправить горбатого» уже не видит, и выбирает открытый поединок, противопоставляя его мерзотям кровавых разборок и заказных убийств.

Эпиграфом к фильму я избрал слова из Псалма: «За то, что он возлюбил Меня, защищу его... Возвозет ко Мне, и я услышу его... и явлю ему спасение Мое».

Утеряв Бога, мой герой стоял на краю пропасти, но его раскаяние услышало Него.

Лили МОСКОВСКАЯ.